

Григорий
Бакус

СТРАДАЮЩЕЕ
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Предисловие
Михаила Майзульса

ИНКВИЗИЦИЯ, ЕРЕСЬ И КОЛДОВОСТВО

«Молот ведьм»

Григорий Владимирович Бакус
Инквизиция, ересь и
колдовство. «Молот ведьм»
Серия «История и наука Рунета.
Страдающее Средневековье»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69165511

Инквизиция, ересь и колдовство. «Молот ведьм»: Издательство АСТ;

Москва; 2023

ISBN 978-5-17-154602-1

Аннотация

Демонология – это специфический литературный жанр, предполагающий объяснение всех аспектов отношений, имеющих место между Сатаной и его демонами с одной стороны и человеческими существами – с другой. Книга «Молот ведьм» как раз об этом.

На русском языке явно не хватает книги о том, как этот текст устроен, зачем был написан, как встречен и где бытовал. Григорий Бакус – историк-медиевист, знаток средневековой демонологии и автор книги, которую вы держите в руках, – подробно и понятно расскажет читателю про «Молот ведьм», его историю и о том, как он повлиял на жизнь множества людей.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие. «Молот ведьм» в кузнице историка	5
Введение	14
Такие разные книги	49
1.1. Malleus maleficarum: Книга и ее история	49
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Григорий Бакус

Инквизиция, ересь и колдовство. «Молот ведьм»

© Бакус Г.В., 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Предисловие. «Молот ведьм» в кузнице историка

«Молот ведьм» – одна из тех книг, о которых сегодня многие слышали, но которые мало кто действительно прочитал. И удивительно не второе, а первое. Обстоятельный трактат, опубликованный в 1486 г. на латыни немецким доминиканцем и инквизитором Генрихом Крамером (он же известен как Генрих Инститорис). Возможно, при участии его собрата по ордену Якоба Шпренгера. Сотни страниц рассуждений о пределах власти дьявола над физической материей и разумом человека, вездесущей угрозе, исходящей от демонов, и механизмах злонамеренного колдовства (*maleficium*). Многочисленные цитаты из «авторитетов» – отцов церкви, ссылки на предшественников-инквизиторов и собственные «опыты» (*experientia*) – дела о колдовстве, которые вел сам Инститорис. Богословская теория и юридическая практика.

Таких трактатов на исходе Средних веков было написано немало. Но почти все они сейчас известны только историкам-медиевистам, а перевод «Молота ведьм» на русский язык вновь и вновь печатают немалыми тиражами. Григорий Бакус – автор книги, которую вы держите в руках, – отмечает важный парадокс: сегодня известность «Молота ведьм» намного выше, чем в те времена, когда он был опубликован.

«У европейца раннего Нового времени было гораздо больше шансов увидеть своими глазами казнь или стать участником ведовского процесса (в качестве обвиняемого, свидетеля или доносчика), чем прочитать это демонологическое сочинение». В чем причина нынешней популярности «Молота»?

Дело в том, что этот трактат нередко воспринимается как краеугольный камень в истории охоты на ведьм, развернувшейся в Европе с XV по XVII в., а где-то продолжавшейся и в XVIII в. Этот взгляд скорее ошибочный, но привычный. История магии, ведовских процессов и инквизиции привлекает не только академических исследователей. В этих сюжетах сходятся несколько линий, значимых для европейской культуры и политики последних веков: споры о вере и разуме, свободе и подавлении, культуре ученой и культуре народной. Большинство людей, которых интересуют такие темы, знает о тексте Инститоториса, а кто-то даже его открывал.

Кроме того, словосочетание «Молот ведьм» давно вошло в массовую культуру. Например, в 1969 г. так называли чехословацкий фильм, посвященный преследованию колдовства и жестокости инквизиции в Моравии XVII в. Картина Отокара Вавры, в которой было показано, как раскручивается маховик репрессий, вызвала понятные ассоциации с советским режимом и вскоре была запрещена. В 2006 г. в Англии то же имя досталось низкобюджетной ленте о вампирах. Тут уже не было никакой политики. Ведьмы, генетические мо-

дификации и секретные агенты на службе развлекательного хоррора.

По крайней мере с эпохи Просвещения, когда ведовские процессы в целом отошли в прошлое, они превратились в один из главных элементов «черной легенды» о Средних веках и Католической церкви. В XX в. новый интерес к массовому преследованию подручных дьявола был спровоцирован жестоким опытом авторитарных и тоталитарных режимов. Репрессивная логика ведовских дел, которые нередко через доносы, выбитые под пыткой показания и фанатичное усердие судей приводили к бесконтрольному расширению круга обвиняемых, — казалась близка политическим процессам недавних времен и позволяла лучше понять, как работают механизмы демонизации и исключения.

Не стоит забывать о том, что само по себе колдовство — вовсе не обязательно вымысел. Магические практики, призванные вернуть человеку здоровье или навести порчу на недруга, отвести воров или отыскать зарытый в земле клад, приворотить любимого или защитить урожай от града, известны почти во всех обществах, не исключая христианской Европы. В Средние века люди Церкви регулярно обличали магию как пережиток язычества, опасное суеверие или плод дьявольского наваждения. Однако она все равно была широко востребована, и к ней регулярно обращались не только «простецы», но и сами клирики, а также знатные и образованные миряне. Критика колдовства звучала в Церкви много

столетий, но массовое преследование колдунов и ведьм, которое в некоторых местах приобретало характер эпидемии, началось лишь на рубеже Средневековья и Нового времени, за несколько десятилетий до того, как в Шпейере был опубликован «Молот ведьм».

В XIV–XV вв. в ученом богословии, юридической теории и в целом представлениях о природе зла произошло несколько значимых сдвигов, которые уже давно описаны историками. Многие магические практики были приравнены к ведовству – вредоносной порче, наведенной с помощью дьявола, и отступничеству от веры, а ведовство стали классифицировать как ересь. Это означало, что оно подлежит преследованию со стороны инквизиторов – церковных следователей, призванных бороться с религиозным инакомыслием, а также со стороны светского правосудия. Ведовство было объявлено смертельной угрозой для всего христианского социума.

В основе систематических репрессий лежало несколько мифологем: что колдуны и ведьмы заключают гласный или негласный пакт с дьяволом; что благодаря помощи демонов они обладают реальной властью вредить человеку, его здоровью и имуществу; что они не только действуют поодиночке, а объединены в своего рода антицерковь, грозящую сокрушить изнутри весь социальный и моральный порядок; что они практикуют ритуальные убийства, каннибализм и сексуальные оргии (аналогичные обвинения в Средние века регулярно выдвигали против еретиков и иудеев, а в Римской

империи они были обращены в адрес первых христианских общин); что ведьмы действительно преобразаются в животных, вступают в сексуальные связи с демонами и слетаются на шабаш – инфернальную пародию на богослужение или придворный церемониал – и там поклоняются сатане.

Число жертв охоты на ведьм в католической, а потом в протестантской Европе оценить крайне сложно. Давно бытуют фантастические цифры – в несколько миллионов человек. Есть более убедительные оценки, опирающиеся на доступные источники и осторожную методологию их учета. Например, известный историк Брайан Левак пришел к выводу о том, что общее число казненных по обвинению в ведовстве составляло от 45 000 до 60 000 человек. Интенсивность «охоты», методы дознания (применялась или не применялась пытка), средний типаж жертвы (женщины или мужчины, маргиналы или «добропорядочные» горожане) и даже суть обвинений отличались в разных концах Европы (например, в Англии миф о шабаше не играл такой роли, как на континенте).

Максимальной интенсивности репрессии, видимо, достигли на территории Священной Римской империи – аморфного государства, включавшего множество королевств, княжеств, вольных городов и епископств. Пик пришелся на вторую половину XVI – первую половину XVII в. Со времен публикации «Молота ведьм» прошло три четверти века. Трое из четверых казненных в Европе ведьм,

по существующим оценкам, говорили на одном из диалектов немецкого. Вот два примера, позволяющие оценить масштаб, который порой приобретала борьба с демонами и их подручными. Во владениях монастыря Обермахталь: 10 крошечных поселениях, где жило порядка 350 человек, – в 1586–1588 гг. было сожжено около 50 ведьм, а в небольшом церковном княжестве Вюрцбург в 1623–1631 гг. число казней достигло 900.

Существует множество теорий, объясняющих, почему рост «демономании» и пик массового преследования ведовства в Европе пришелся именно на рубеж Средних веков и Нового времени. Кто-то видит в «охоте на ведьм» наступление духовенства и светской элиты против народной культуры – во имя христианизации бескрайнего крестьянского мира и социального дисциплинирования. Другие исследователи переносят акцент на поиск элитами «козлов отпущения» и «внутреннего врага» для консолидации в условиях экономических кризисов, и распада общин и традиционных форм соседской взаимопомощи. Третьи предполагают, что преследование колдовства могло достигнуть максимальной интенсивности на пограничных территориях, где католики соседствовали с протестантами, а религиозное напряжение и страх перед любой инаковостью были максимально велики. Масштабных трактовок много. Этот список, само собой, неполон.

Любая модель объяснения требует найти ответ на серию

частных вопросов. Кто обычно инициировал процесс? И кто чаще других оказывался под подозрением? Почему порой отдельные дела влекли за собой следующие и возникала эпидемия, а в других случаях этого не происходило? Как клирики и миряне из разных сословий реагировали на такие обвинения? Все ли поддерживали следователей, охотников за колдунами, подобных Инститориусу? С каким сопротивлением они сталкивались? Чей голос мы слышим в протоколах судов по делам о ведовстве: можно ли использовать тысячи показаний, которые сохранились в архивах, как надежный источник о колдовских представлениях, практиках и картине мира «безмолвствующего большинства»? Или в этих документах сквозь голоса обвиняемых слишком часто проступает голос инквизитора, который диктует им, что говорить? Как читать такие тексты? Чтобы это понять, историки давно обращаются к демонологическим трактатам и «инструкциям» о том, как вести ведовской процесс.

«Молот ведьм» – не первый и не последний труд о демонах и ведьмах, написанный на рубеже Средних веков и Нового времени. В XV в. появилось немало подобных текстов: «Относительно ошибок магов и колдунов» Клода Толозана, «Муравейник» Иоганна Нидера, «О ламиях и чародейках» Ульриха Молитора. В XVI–XVII вв. демонологическая библиотека пополнилась множеством новых наименований: «О демонии колдунов» Жана Бодена, «Картина непостоянства злых ангелов и демонов» Пьера де Ланкра, «Речь

о ненавистных колдунах» Анри Боге, «Демонология» шотландского короля Якова VI. Однако «Молот ведьм» важен тем, что он стал первым из опубликованных сочинений, целиком посвященных колдовству и его преследованию. Благодаря изобретению Гутенберга текст Инститоториса разошелся по Европе. Он множество раз переиздавался, но всегда на латыни – ученом языке богословия и юриспруденции. Переводы на новые языки появились лишь в XX в.

В 1932 г. в издательстве «Атеист» вышел русский перевод «Молота». Его сделал Николай Цветков – выпускник Уфимской духовной семинарии и Петербургской духовной академии, а вступительную статью под названием «Роковая книга Средневековья» составил Самуил Лозинский, много писавший об истории евреев, папства и инквизиции. С тех пор этот перевод вместе с введением переиздается снова и снова. Увы, на многие вопросы ответов мы там не найдем. На русском языке явно не хватает книги о самом «Молоте», о том, как этот текст устроен, зачем был написан, как встречен и где бытовал.

Историк-медиевист Григорий Бакус, прекрасный знаток средневековой демонологии, поможет в этом разобраться. Кем был Генрих Инститоторис – главный и, вероятно, единственный автор «Молота»? Из каких «элементов» этот инквизитор, проповедник, экзорцист и убежденный преследователь ведовства собрал свой трактат? Насколько концепция порчи и пакта с дьяволом, которую он отстаивал, соответ-

ствовала тому, о чем писали и говорили другие демонологи и богословы его времени? Одна из банальных истин – лобщество не похоже на монолит. В любой социальной группе, в любой корпорации сосуществует немало течений, конкурирующих взглядов и групп интересов. Католическая церковь XV в. – не исключение. Реакция духовенства, даже братьев Инститориса по доминиканскому ордену, на его трактат была противоречивой, а порой враждебной. И важно выяснить, почему так случилось и какую роль этот зловещий компендиум действительно сыграл в истории ведовских процессов.

Михаил Майзульс,

историк-медиевист,

старший научный сотрудник РГГУ

*Моим родителям, искренне верившим, что
наукой стоит заниматься*

Введение

В 2013 г. на *Internet*-аукционе *Ebay* появилось объявление о продаже в режиме без торгов (*Buy It Now* – «Купить сейчас») подлинной книги второй половины XVI века, цена которой была заявлена как 4,298.56 доллара США. Это был *Malleus Maleficarum*, печально известный трактат «Молот ведьм».

На продажу был выставлен экземпляр издания 1582 г., вышедший из печати Николая Бассея во Франкфурте-на-Майне. Согласно описанию, лот представлял собой полностью комплектный экземпляр, требовавший незначительной реставрации – некоторые страницы выпали из блоков, а также присутствовали характерные дефекты старой книги – маленькие червоточины. Всего книга насчитывала 704 страницы текста (собственно «Молот ведьм» и небольшие сочинения, близкие по тематике), 24 страницы указателей (индексов).

В определенном смысле это объявление иллюстрирует длительный процесс культурной эволюции, изменения отношения общества к некогда злободневной, широко обсуждаемой, осуждаемой одними европейскими интеллектуалами и, наоборот, прославляемой другими, книги.

*IMPRESSVM FRANCOFVRTI
ad Mænum, sumptibus Nico-
lai Bassæi.*

Анно М. D. LXXXVIII.

Эмблема печатного дома Николая Бассея. Франкфурт-на-Майне

Бассей был последним, кто издавал «Молот ведьм» в Германии. Всего в его печатне вышло четыре издания – в 1580, 1582, 1588 и 1600 гг. На момент публикации эта книга поль-

зовалась устойчивым спросом, учитывая набиравшие обороты преследования в ходе так называемой охоты на ведьм. Сейчас, когда возраст этого экземпляра насчитывает более четырехсот сорока лет, он представляет собой значительный интерес для историков, коллекционеров-библиофилов и антикваров наших дней начала ХХI века.

Эта история из аукционной жизни примечательна еще и тем, что напоминает нам о временах первого расцвета исторических исследований охоты на ведьм – рубежа ХIХ и ХХ вв. При схожих обстоятельствах двое энтузиастов и историков-эрудитов Эндрю Диксон Уайт (*Andrew Dickson White*, 1832–1918) и Джордж Линкольн Барр (*George Lincoln Burr*, 1857–1938) заложили основу «Колдовской коллекции» (*Witchcraft Collection*) библиотеки Корнельского университета (*Cornell University*, США)¹. Эта библиотека насчитывает более трех тысяч книг и документов по истории демонологии и ведовских процессов в Европе и Новом Свете. На ее формирование ушло около сорока лет, и наиболее плодотворными оказались периоды, во время которых Уайт занимался дипломатической работой в Германии.

На материалах «Колдовской коллекции» во многом были написаны «Энциклопедия демонологии и колдовства» Р.Х. Роббинса² и книги Дж. Б. Рассела³. В настоящее вре-

¹ Текущий адрес коллекции – <https://rmc.library.cornell.edu/witchcraftcoll/>

² Роббинс Р.Х. Энциклопедия колдовства и демонологии М. 2001.

³ Рассел Дж. Б. Колдовство и ведьмы в средние века. СПб., 2001. Рассел Дж.

мя 102 книги из этого собрания, посвященные колдовству, доступны *online*. В их числе – еще один экземпляр *Malleus Maleficarum*, изданный Николаем Бассеем в 1580 г.⁴ в виде полного текста и графических файлов страниц.

Во времена «до интернета» одним из значимых событий в изучении истории охоты на ведьм стала научная публикация копии-факсимиле первого издания *Malleus Maleficarum*, приуроченная к 500-летию этой книги⁵.

Гюнтер Ерошек взял за основу для научного издания сохранившиеся экземпляры из собрания государственной и университетской библиотеки Гёттингена (*Universitäts- und Staatsbibliothek Göttingen*, текст трактата) и Музея Августа

Б. Дьявол. Восприятие зла с древнейших времен до раннего христианства. СПб., 2001. Рассел Дж. Б. Сатана. Восприятие зла в ранней христианской традиции. СПб., 2001. Рассел Дж. Б. Люцифер. Дьявол в Средние века. СПб., 2001. Рассел Дж. Б. Мефистофель. Дьявол в современном мире. СПб., 2002. Рассел Дж. Б. Князь тьмы. Добро и зло в истории человечества. СПб., 2002.

⁴ *Institoris, H. Malleus Maleficarum in Tres Divisvs Partes, In quibus Concurrentia ad maleficia, Maleficiorum effectus, Remedia aduersus maleficia, Et modus deniq; procedendi, ac puniendi Maleficos abundè continentur, præcipuè autem omnibus Inquisitoribus, et diuini verbi Concionatoribus vtilis, ac necessarius. Auctore Iacobo Sprengero Ordinis Prædicatorum, olim Inquisitore. His nunc primùm adiecimus, M. Bernhardi Basin opusculum de artibus magicis, ac Magorum, maleficijs. Item. D. Vlrici Molitoris Constantiensis, de Lamijs et Pythonicis mulieribus Dialogum. Item. D. Ioannis de Gerson. Olim Cancellarij Parisi [...], de probatione Spirituum, libellum. Item. D. Thomæ Murner ordinis Minorum, libellum, de Pythonico contractu. Omnia. Frankfurt am Main: apud Nicolaum Bassaeum, 1580. Далее при цитировании – *Institoris* 1580, с указанием страниц.*

⁵ *Malleus Maleficarum* 1487 von Heinrich Kramer (Institoris). Hildesheim, Zürich, New York, 1992.

Кестнера в Ганновере (*Kestner-Museum Hannover*, текст буллы папы Иннокентия VIII и так называемой Апробации теологического факультета Кёльнского университета).

За факсимильным изданием последовал полный, заново выполненный перевод на немецкий язык, подготовленный группой ведущих исследователей, занимающихся историей охоты на ведьм – В. Берингером, Г. Ерошеком и В. Чахером⁶. Этим изданием открывается история нового этапа научного изучения как самого текста зловещего схоластического трактата, так и эпохи, его породившей. Помимо полноты и большей точности, перевод, подготовленный этой группой историков, отличается еще и специальный аналитический инструментарий. В трактате были идентифицированы истории, преподносившиеся Генрихом Инститорисом как «случаи из инквизиционного опыта» (*experientia*) и в которых была указана конкретная местность. Каждому локализованному случаю издателями новейшего немецкого перевода был присвоен номер, что позволило выявить частотность обращений к случаям из инквизиторской практики – сколько упоминаний приходится на каждый диоцез или город. Кроме того, исследователи привели известные данные по преследованиям ведьм в этих регионах, что позволяет читателю оце-

⁶ Первое издание вышло в 2000 г., я использовал одиннадцатое – *Heinrich Kramer (Institoris). Der Hexenhammer. Malleus Maleficarum / Neu aus dem Lateinischen übertragen von W. Behringer, G. Jeroschek und W. Tschacher. Herausgegeben und eingeleitet von G. Jeroschek und W. Behringer. München, 2015. Далее при цитировании – Kramer (Institoris) 2015, с указанием страниц.*

нить степень достоверности сведений, сообщаемых в *Malleus Maleficarum*. Подобная локализация как метод разрушает ощущение повсеместного присутствия злонамеренного колдовства, которого и добивался немецкий инквизитор. Единственный недостаток этого исследовательского приема заключается в том, что из числа идентифицированных «примеров» выпадают те нарративы, в которых какая-либо местность не упоминается. Классификация «примеров» В. Берингера, Г. Ерошека и В. Чахера очень удобна для дальнейшего изучения и структурирования материала, и я буду на нее ссылаться далее на страницах своей книги.

Новые горизонты исследований открыло кембриджское издание *Malleus Maleficarum*, включающее в себя полный латинский текст, соответствующий ранним изданиям трактата с сохранением характерной средневековой орфографии и авторской стилистики⁷, а также его полный английский перевод. Публикацию подготовил выдающийся специалист в области латинского языка, антиковед К.С. Мэккей.

Особенность этого издания заключается в том, что в нем выявлены фрагменты текста, заимствованные Инститориом из сочинений других авторов с учетом особенностей адаптации цитат. Другими словами, кембриджское издание *Malleus*

⁷ *Institoris, Henricus O. P. and Sprenger, Jacobus O. P. Malleus Maleficarum*. Ed. and tr. by Christopher S. Mackay. Cambridge, New York, New Rochelle, Melbourne, Sydney: Cambridge University Press, 2006. Vol. I. The Latin Text and Introduction; Vol. II. The English Text. Далее при цитировании – *Institoris Sprenger* 2006 (1) или (2), с указанием страниц.

Maleficarum представляет собой аутентичный позднесредневековый текст и, одновременно, постраничный цитатный план, хорошо демонстрирующий методы работы над книгой «брата Генриха из Шлеттштадта».

Наконец, в 2007 г. появился сокращенный аннотированный перевод П. Дж. Максвелл-Стюарта, выполненный по франкфуртскому изданию 1588 г., особую ценность которого представляет опыт автора перевода, профессионального историка, специализирующегося на преследованиях ведьм и развитии демонологии как специфической сферы мысли позднего Средневековья – раннего Нового времени⁸. Вся эта череда изданий лучше всего передает интерес нашей эпохи к «зловещей книге Средневековья».

Кроме того, на протяжении последних сорока лет в исторической науке активно развивалось как направление так называемые *witchcraft studies*, заметное место в которых занимали исследования различных обстоятельств, связанных с написанием *Malleus Maleficarum*.

Самыми яркими событиями в этой череде книг и статей я считаю открытие и публикацию небольшого оригинального сочинения Генриха Инститориса о колдовстве, составленного им для Городского совета Нюрнберга (его ввели в научный оборот по отдельности Р. Эндерс⁹ и Г. Еро-

⁸ The *Malleus Maleficarum*. Ed. and tr. by P. G. Maxwell-Stuart. Manchester and New York, 2007.

⁹ Enders R. Heinrich Institoris, sein Hexenhammer und der Nürnberger Rat// Der

шек¹⁰), а также серию работ Т. Херциг, посвященных участию немецкого инквизитора в оформлении культов «живых святых» (*santa viva*), женщин-мистиков в Ломбардии (Италия)¹¹. Даже взятые по отдельности эти исследования существенно меняют наши представления о событиях, связанных с появлением *Malleus Maleficarum*.

Однако это только верхушка айсберга. Существуют десятки исследовательских работ, без которых как сам трактат, так и ключевые события в биографии его автора рискуют остаться непонятными современному читателю.

Как дань уважения коллегам историкам, в качестве эпиграфов к главам этой книги я поместил некоторые их тезисы и высказывания, показавшиеся мне интересными и со-

Hexenhammer. Entstehung und Umfeld des Malleus Maleficarum von 1487. Köln, Wien, 1988.

¹⁰ *Kramer (Institoris) H.* Nürnberger Hexenhammer 1491 von Heinrich Kramer (Institoris). Faksimile der Handschrift von 1491 aus dem Staatsarchiv Nürnberg, Nr. D 251. Herausgegeben von Günter Jerouschek mit Vorwort, Transkription des deutschen Textes und Glossar. Hildesheim, Zürich, New York, 1992. Далее при цитировании – Nürnberger Hexenhammer 1491.

¹¹ *Herzig T.* Witches, Saints, and Heretics: Heinrich Kramer's Ties with Italian Women Mystics // *Magic Ritual and Witchcraft* 1(1): January 2008 P. 24–55; *Herzig T.* Italian Holy Women against Bohemian Heretics: Catherine of Siena and 'the Second Catherines' in the Kingdom of Bohemia // *Catherine of Siena: The Creation of a Cult*, ed. Jeffrey Hamburger and Gabriela Signori [Medieval Women: Texts and Contexts, vol. 13]. Turnhout, 2013. P. 315–338; *Herzig T.* Fear and Devotion in the Writings of Heinrich Institoris // *Emotions in the History of Witchcraft*. Palgrave Macmillan, 2016 P. 19–35; *Herzig T.* The best-selling demonologist: Heirich Institoris Malleus Maleficarum // *The Science of Demons: Early Modern Authors Facing Witchcraft and the Devil*. London, 2020. [электронное издание]

держательными. Ввиду того, что подавляющее большинство монографий и статей *witchcraft studies* не были переведены на русский язык, я искренне надеюсь, что читатель сможет составить некоторое представление о том, насколько велик и многообразен этот раздел современной исторической науки хотя бы благодаря этим эпиграфам и библиографическим описаниям в сносках.

Такой подход я считаю принципиально значимым. Ведь исследовательский процесс всегда предполагает непрерывный диалог, высказывания в котором представлены в виде уже написанных монографий и статей. Историю больше не пишут одиночки. Описывать общества, культура, практики и институты которых сильно отличаются от современных, едва ли возможно без непрерывной дискуссии с коллегами.

* * *

Согласно определению Г. Шольц Уильямс, демонология – это специфический литературный жанр, представленный компилятивными трактатами и предполагающий рациональное, т. е. научное, правовое и богословское, объяснение всех аспектов отношений, имеющих место между Сатаной и его демонами (или падшими ангелами), с одной стороны, и человеческими существами (в частности, женщинами, обвиня-

емыми в колдовстве¹²⁾ – с другой.

Malleus Maleficarum полностью соответствует этим критериям. Потому историю этой книги, равно как и ее место в культуре, можно исследовать через соотнесение с несколькими группами источников.

Первую группу образуют другие сочинения Генриха Инститориса. Прежде всего это упомянутое выше «Нюрнбергское руководство»¹³. Далее – *Opus sermonum* (сборник проповедей о таинстве Евхаристии, одна из которых затрагивала злонамеренное колдовство)¹⁴. И, наконец, последнее большое сочинение Генриха Инститориса «Щит, веру святой римской церкви защищающий, от ереси вальденсов или пикардов» (*Sancte romane ecclesie fidei defensionis clypeus adversus Waldensium seu Pikardorum heresim*)¹⁵. Вторая группа – это демонологические трактаты XV века, которые могли повлиять на концепцию *Malleus Maleficarum* (сочинения до-

¹² Scholz Williams G. Demonologies // The Oxford Handbook of Witchcraft in Early Modern Europe and Colonial America. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 69.

¹³ Nürnberger Hexenhammer 1491.

¹⁴ Сочинение входило в большой авторский сборник – *Institoris H. Tractatus varii cum sermonibus plurimis contra quattuor errores novissime exortos adversus divinissimum eucharistie sacramentum, collecti a lectore ecclesie Saltzburgensis, sacre pagine professore ac heretice pravitatis inquisitore fr. Heinrico Institoris, ordinis Predicatorum*. Nuremberg, 1496. Далее при цитировании – *Tractatus varii* с указанием страниц.

¹⁵ *Institoris H. Sancte romane ecclesie fidei defensionis clypeus adversus Waldensium seu Pikardorum heresim*. Olumucz, 1502. Далее при цитировании *Clypeus* 1502 с указанием страниц.

миниканцев Иоганна Нидера¹⁶, Джордано да Бергамо, Иеронима Висконти¹⁷), а также тексты главного «конкурента» Инститоториса – доктора канонического и светского права Ульриха Молитора из Констанца (диалог, вышедший одновременно на латыни¹⁸ и по-немецки¹⁹).

Наконец, последний большой текст – дидактическая поэма *Die Plumen der Tugend* («Цветы добродетели») тирольского юриста Иоганна (Ханса) Винтлера²⁰. Она была написана в первом десятилетии XV века и повторно увидела свет в 1486 г. уже в виде инкунабулы под названием *Das buoch der tugend*²¹ («Книга добродетели»). Специфической особенностью аугсбургского издания, вышедшего из печатни Иоганна

¹⁶ В своей работе я использовал оцифрованный вариант кёльнского издания 1480 г., – *Nider J. Formicarius*. Köln: Johann Guldenschaff, ок. 1480., сверяясь по изданию 1692 г. – *Nider J. Formicarius de visionibus ac revelationibus* rec. Herm. Von der Hardt. Helmstadium. 1692.

¹⁷ *Visconti, Girolamo*. Magistri Hyeronimi Vicecomitis Lamiarum siue striarum opusculum ad illustrissimum Mediolani ducem Franciscum Sfortiam Vicecomitem incipit feliciter. Milan: Leonardus Pachel, 1490. Далее при цитировании – Visconti 1490 с указанием страниц.

¹⁸ *Molitoris, Ulricus*. De laniis et phitonicis mulieribus Teutonice vnholden vel hexen. Reutlingen, nach 10.I. 1489.

¹⁹ *Molitoris, Ulrich*. Von den unholden oder hexen. Tractatus von den bösen weiben die man nen[n]et die hexen etc. Augspurg, 1508.

²⁰ *Aeltere tirolische dichter*. Erster Band: Die Plumen der Tugend des Hans Vintler / Hrsg. von I.V. Zingerle. Innsbruck, 1874. Далее при цитировании – Aeltere tirolische dichter, с указанием страниц.

²¹ *Vintler, Hans*. Das buoch der tugend. Augsburg, 1486. Далее при цитировании – Das buoch der tugend, с указанием страниц.

Блаубирера, является чрезвычайно обширный иллюстративный материал. Он насчитывает 236 гравюр²², 52 из которых относятся к различным магическим практикам²³. Некоторые из этих гравюр, посвященные интересующим нас сюжетам, я привожу в качестве иллюстраций.

В этом своем новом качестве поэма Винтлера примечательна тем, что она попала на книжный рынок в период роста интереса к проблеме колдовства, опередив самые известные трактаты о колдовстве конца XV в. — *Malleus Maleficarum* Генриха Инститориса (1487) и *De laniis et phitonicis mulieribus* («О ланиях и женах-прорицательницах») Ульриха Молитора (1489).

Поскольку поэма была написана в начале XV века, т. е. до появления первых собственно демонологических сочинений, ее можно рассматривать как источник информации о магических представлениях, распространенных до начала подлинной охоты на ведьм. Если использовать терминологию Г. Шольц Уильямс, «Цветы добродетели» Винтлера могут послужить в качестве «рамочного текста» (*frame text*) для установления исторического контекста, или «примера магических энергий в действии до [написания] *Malleus*

²² Нессельштраус Ц.Г. Немецкая первопечатная книга: Декорировка и иллюстрации. СПб., 2000. С. 153–154.

²³ Zika C. The appearance of witchcraft: print and visual culture in sixteenth-century Europe. London and New York, 2007. P. 41.

[*Maleficarum*]²⁴. Развивая эту мысль, я должен добавить, что поэма представляет особый интерес, поскольку Винтлер закончил свое произведение до того, как в обиход вошло слово *hexerye*, появившееся для обозначения именно злонамеренного колдовства²⁵.

Кроме того, «рамочные тексты» важны для идентификации тех «примеров из опыта», которые оказываются вне классификации В. Берингера, Г. Ерошека и В. Чахера. С этой целью помимо «Цветов добродетели» Винтлера я также обращался к более поздним текстам немецких прозаических шванков Иоганна Паули²⁶, Йорга Викрама²⁷, Михаэля Лин-

²⁴ Scholz Williams G. Defining dominion: the discourses of magic and witchcraft in early modern France and Germany. Ann Arbor, 1999. P. 5. Американская исследовательница в этом ключе анализирует «Благородную историю Лузиньяна» Жана из Арраса, посвященную фее Мелюзине. Я остановил свой выбор на сочинении Винтлера из-за того, что этот текст был написан в интересующем нас регионе (Тироль) на немецком языке и напрямую затрагивает целый ряд сюжетов, позднее попавших в трактат Генриха Инститориса.

²⁵ Как указывает В. Берингер, первое известное упоминание этого слова относится к 1419 г.; оно появляется в документе из швейцарского города Люцерн, относившегося в то время к Констанцскому диоцезу, См.: *Behringer W. Witchcraft Persecutions in Bavaria: Popular magic, religious zealotry and reason of state in early modern Europe*. Cambridge, New York, New Rochelle, Melbourne, Sydney, 1997 P. 70.

²⁶ *Pauli J. Schimpf und Ernst // Deutsche Schwänke in einem Band*. Berlin und Weimar, 1969. S. 41–97.

²⁷ *Викрам Йорг*. Дорожная книжица // Немецкие шванки и народные книги XVI века. М., 1990. С. 76–152; *Wikram, Jorg. Das Rollwagenbüchlein // Deutsche Schwänke in einem Band*. Berlin und Weimer, 1969. S. 101–199.

денера²⁸, Мартина Монтана²⁹, Валентина Шумана³⁰.

Когда мы будем обсуждать эти тексты, я бы хотел, чтобы читатель помнил тезис М.Ю. Реутина о том, что культура Германии, объединявшая в XIII–XVI веках народную, куртуазную, сектантскую и клерикальную традиции, не была их математической суммой, но была их системой, которая существует лишь в той мере, в какой традиции, в нее входящие, взаимно реагируют друг на друга. Поэтому каждая из традиций представлена в культуре двояко – не только сама собой, но и внешними реакциями на нее³¹. Я полагаю, что это наблюдение важно в контексте нашей проблематики, поскольку благодаря ему нам становится понятнее разница интерпретаций близких сюжетов в «примерах» *Malleus Maleficarum* и немецких прозаических шванках, когда одна и та же последовательность событий воспринимается как нечто опасное или же смешное. Далее, в Главе 4.3, мы обратимся к сюжету сверхъестественной кастрации, который как вариации мог включать следующие сюжеты: 1) агиографический – о Божественном чуде кастрации святого ангела-

²⁸ Lindener M. Katzipori // Deutsche Schwänke in einem Band. Berlin und Weimar, 1969. S. 269–282; Линденер М. Первая часть «Катципори» // Немецкие шванки и народные книги XVI века. М., 1990. С. 205–216.

²⁹ Montanus, Martin. Schwankbücher (1557–1566) / Hrsg. von J. Bolte. Tübingen, 1899.

³⁰ Schumanns Valentin. Nachtbüchlein (1559) / Hrsg. von J. Bolte. Tübingen, 1893.

³¹ Реутин М.Ю. Народная культура Германии: Позднее Средневековье и Возрождение. М., 1996. С. 105.

ми; 2) демонологический – о краже мужских половых органов ведьмой; 3) комический – о жестоком розыгрыше похотливого священника плутоватым слугой. Разумеется, каждый из них можно рассматривать по отдельности, однако взятые вместе они дают нам представление о сложных коммуникационных процессах, происходивших до написания трактата.

Во время работы над книгой я также использовал документы, процессуальные и биографические материалы, опубликованные историками Й. Ханзеном³² и Х. Амманом³³.

Историки и гуманитарии вообще очень любят описывать изучаемые явления как нечто сложное и многогранное. Я не являюсь исключением в этом ряду. Главная идея этой книги заключается в том, чтобы дать возможность читателю увидеть *Malleus Maleficarum* и фигуру его автора в контексте нескольких тенденций или культурных контекстов позднего Средневековья – раннего Нового времени. Эта идея наложила отпечаток на организацию материала, изложенного ниже.

Контекст 1 – интеллектуальная история процессов внутри книжной культуры данного периода. *Malleus Maleficarum* постепенно изменялся – его текст подвергался редакциям, с

³² Quellen und Untersuchungen zur Geschichte des Hexenwahns und der Hexenverfolgung im Mittelalter von Joseph Hansen. Mit einer Untersuchung der Geschichte des Wortes Hexe von Johannes Frank. Bonn, Carl Georgi Universitäts und Verlag. 1901. Далее при цитировании – Quellen с указанием страниц.

³³ Ammann H. Der Innsbrucker Hexenprocess von 1485 // Zeitschrift des Ferdinandeums für Tirol und Vorarlberg. 3. Folge. 34. Heft. Innsbruck, 1890. Далее при цитировании – Der Innsbrucker Hexenprocess с указанием страниц.

обложки исчезали и появлялись вновь имена авторов, сочинение обрастало дополнениями из других текстов. Эта большая тема позволяет нам говорить о том, как функционирует книга внутри среднесрочных конъюнктур печати и сбыта и как эта внешняя среда воздействует на смыслы и концепции. Кроме того, наследие «брата Генриха из Шлеттштадта» показывает, что даже внутри популярных жанров гутенберговского мира остается специфическая ниша для рукописных книг. Наконец, стоит попытаться охарактеризовать немецкого инквизитора как автора других сочинений, оставшихся в тени «Молота ведьм».

Контекст 2 – персональная история человека по имени Генрих Инститорис. Вехи его биографии и, если можно так выразиться, ступени карьерной лестницы профессионального дознавателя и ревностного противника всего, что лежит вне одобренных церковью норм. А еще – штрихи, позволяющие уточнить его портрет: проповедник, экзорцист, свидетель женской святости.

Контекст 3 – политическая составляющая преследований. Конфликты и альянсы, в которых автор *Malleus Maleficarum* участвовал для того, чтобы раскрутить карающие маховики правосудия. Его противниками были участники церковного движения концилиаристов, стремившиеся к ограничению папской власти, и представители епископских администраций на местах, считавшие, что немецкий инквизитор посягает на их юрисдикцию. Преодолевая их

противодействие, Инстититорис неожиданно оказался в конкуренции с Ульрихом Молитором, предложившим свое понимание злонамеренного колдовства.

Контекст 4 – *horribilia*, ужасы злонамеренного колдовства. Темная материя души, пропитанная страхами и подозрениями, из которой потом рождаются слухи, доносы и проповеди. Если оставить метафоры в стороне, нас будет интересовать в какой мере состав преступления формировался из книжных стереотипов и амбивалентных культурных образов, допускавших разные интерпретации. *Experientia*, «примеры из инквизиционного опыта» *Malleus Malefactorum*, содержат в себе истории, сюжеты которых пересекаются как с фольклором, так и с житийной литературой. Однако самое интересное заключается в том, что Инстититорис периодически выступал в роли мистификатора, выдающего под видом своего опыта содержание других книг, или, если угодно, сказочника, заимствующего и произвольно переделывающего сюжет.

Поскольку к некоторым темам я возвращаюсь несколько раз на протяжении всей книги, я прошу читателя обратить внимание на Приложение «Общая хронология событий» – для удобства ориентирования, а также чтобы избежать возможной путаницы.

Пояснение о принципах перевода

В этой книге много цитат на латинском и немецком языках. Все переводы, кроме оговоренных отдельно, принадлежат мне, и я несу полную ответственность за возможные ошибки и неточности. Для того чтобы вы могли проверить меня, в большинстве случаев я привожу оригинал.

В том случае, если цитировался текст, который не имеет на данный момент научной публикации, я сохранял особенности орфографии оригинала, которые отличаются от современных норм.

Так, нормальным считалось написание *Jesu christi*. Использование букв *v* и *u* (и некоторых других) определялось не фонетическим значением (гласный или согласный звук), а положением в строке – различались начальная и конечная формы буквы в слове (*vtrum*, *Vlricus*). Исключение в этом правиле я сделал только для буквы *s*, начальная форма которой полностью вышла из употребления.

Кроме того, в текстах того времени имела место произвольная вариативность – один и тот же автор в одном тексте мог писать *experientia* и *experientia*.

При переводе имен исторических личностей на русский язык я отдавал предпочтение латинскому варианту, поскольку латынь была основным языком общения образованных людей и большинство из них намеренно латинизировали

свои имена.

Так, главный герой этой книги в первом своем сочинении «Послание против одного концилиариста, а именно – архиепископа Краинского» (*Epistola contra quendam conciliistam archiepiscopum videlicet Crainensem*, 1482 г.) представляется читателю: «я, Генрих Инститорис» (*ego Heinrichus Incitoris*). Если переводить буквально, он именовал себя «Генрих [из] лавочников» (т. е. сын лавочника), подразумевая происхождение. Использовать слово *Institor* применительно к самому себе он просто не мог, поскольку относился к другой социальной группе – ордену братьев проповедников (доминиканцев).

После публикации так называемого Нюрнбергского руководства, в котором Инститорис представился по-немецки, историки разделились примерно поровну. Половина ученых продолжала именовать этого человека Инститорисом, тогда как остальные отдали свои предпочтения новому варианту – Крамер или Кремер.

Я придерживаюсь первой точки зрения исходя из того, что латинский язык был основным для сообщества интеллектуалов и официальным для документов того времени. Кроме того, в тексте я использую выражение «брат Генрих из Шлеттштадта», следуя упоминаниям этого человека в материалах, поскольку принадлежность к семье для клирика (кроме епископов) не являлась существенной характеристикой, чего нельзя сказать о местности, откуда он был родом.

Топонимы (географические названия) даны в тех вариантах, которые имели хождение в эту эпоху.

Родной город Генриха Инститориса упоминается как **Шлеттштадт** (*Schlettstadt*) в Эльзасе, хотя сейчас территориально относится к Франции и носит название Селеста (*Sélestat*).

Тридент (*Tridentum*) – центр диоцеза и место возникновения одной из историй «кровавого навета» о якобы имевшем место ритуальном убийстве иудеями мальчика Симона. Генрих Инститорис принимал участие в расследовании этого случая. В настоящее время – город Тренто (*Trento*) в Италии.

Бриксен (*Brixen*) – центр диоцеза, к которому относился тирольский город Инсбрук, ставший местом самого масштабного ведовского процесса, организованного Инститорисом и окончившегося грандиозным провалом. Епископы Бриксена Николай Кузанский и Георг Гольсер во второй половине XV в. занимались расследованием случаев колдовства в соответствии с требованиями канона *Episcopi*. Современное название – Бресанноне (*Bressanone*) в Италии.

Ольмюц (*Olmütz*) – центр диоцеза в Моравии (Чехия) и место последних лет жизни Генриха Инститориса. Современное название – Оломоуц (*Olomouc*).

В книге я использую преимущественно латинское наименование трактата (*Malleus Maleficarum*), поскольку только оно и было в ходу в интересующую нас эпоху. Даже в немецких текстах того времени название этой книги при упомина-

нии не переводилось.

Пояснения терминологического характера

Орден проповедников (*ordo predicatorum*). Поскольку социальный статус Генриха Инститориса во всех документах эпохи и его книгах обозначается как «брат ордена проповедников» (*frater ordinis predicatorum /brüder prediger Ordens*), я не использую применительно к нему термин «монах».

Нищенствующие ордена (*mendicantes*) противопоставляли себя традиционным монашеским (бенедиктинцам и цистерцианцам) прежде всего по принципу наличия собственности. *Vita communis*, монашеское общежитие, предполагало совместное владение имуществом, которое воспринималось многими как богатство и роскошь.

Эта разница была существенной настолько, что Гейдельбергская пляска смерти среди своих персонажей различает, с одной стороны, хорошего и плохого монахов (*der bose monich / der gude monich*), а с другой – «брата» (*der bruder*)³⁴.

Известен только один случай, когда Инститориса называли «монахом» (*münch*) – так назвала «брата Генриха из Шлеттштадта» публично поносившая его площадной бранью Хелена Шоберин, одна из подозреваемых в злонамеренном колдовстве.

³⁴ Der Doten Tanz. Heidelberg: Heinrich Knoblochzer, ок. 1488. S. 16r.

Der doit. Der gute monich

Смерть и хороший монах. Гейдельбергская пляска смерти, 1488

Обсерванты – участники движения за духовное обновление нищенствующих орденов XIV – начала XV вв. Выступали за возвращение к первоначальным идеалам бедности и строгому соблюдению правил (*regula*), составленных осно-

вателями этих духовных учреждений и утвержденных папой римским.

В доминиканском ордене к числу обсервантов принадлежал Иоганн Нидер, автор книги *Formicarius* («Муравейник»). Это сочинение принято относить к демонологическим трактатам. Однако общая тематика сочинения значительно шире и затрагивает различные опасности, которые угрожают христианской вере (злонамеренное колдовство было только одним из многих). В частности, значительное внимание в тексте уделялось женской набожности в связи с распространением религиозного движения бегардов и бегинок, вызывавшего у Нидера серьезную тревогу. Высокая популярность сочинений «брата Иоганна» была связана именно с идеями обновления. Помимо этого, он был практиком, непосредственно занимавшимся реформой конвентов – в частности, он успешно реформировал женскую обитель св. Екатерины (*Katharinenkloster*) в Нюрнберге. Своего рода курьезом выглядит то обстоятельство, что доминиканский конвент в Шлеттштадте (основное место пребывания Инститора) оставался не реформированным вплоть до 1490 г.³⁵

³⁵ Mackay C. S. General Introduction // Henricus Institoris O. P. and Jacobus Sprenger O. P. *Malleus Maleficarum* / Ed. and tr. by Christopher S. Mackay. Cambridge, 2006. Vol. I. The Latin Text and Introduction. P. 116.

Der doitz

Der bruder

XXviii

Смерть и брат [нищенствующего ордена]. Гейдельбергская пляска смерти, 1488

Секулярные клирики – приходские священники, не принадлежавшие к орденам католической церкви. С ними связано несколько «примеров» *Malleus Maleficarum*. Самые значимые из них сообщают истории не названного по имени

«че́ха» (*Bohemus*) из города Тахова (*de Dachouo opido*), который приехал в Рим с отцом, чтобы избавиться от одержимости демонами (подробнее – см. Главу 2.3) и батюшки Гефлина (*Pfaff Heflin*) из Обервайлера, не верившего в существование ведьм (подробнее – см. Главу 4.1). Оба становятся жертвами колдовской порчи. У нас есть основания полагать, что «брат Генрих из Шлеттштатдта» рассматривал принадлежность к ордену, членами которого также были святые (Доменик, Фома Аквинский), как своего рода защиту от происков ведьм, которой не могли обладать ни миряне, ни секулярные клирики. Кроме того, известно, что одним из противников немецкого инквизитора был приходской священник Христиан Турнер (*Christian Turner*) из Матрая (*Matrei am Brenner*), представитель епископа Бриксена Георга Голсера на судебном процессе в Инсбруке (подробнее – см. Главу 3.2).

Инквизитор еретического нечестия (*inquisitor heretice pravitatis*) – так звучало полное наименование статуса Инквизитора в официальных документах. Латинский термин *inquisitio* обозначал как «дознание», так и «познание», т. е. логически правильную познавательную процедуру. Соответственно слово *inquisitor* могло относиться к любому человеку, занимающемуся интеллектуальной деятельностью в рамках схоластической образованности. *Vir inquisitor et sapentie amator* («исследователь и любитель премудрости») – так себя именовал император Фридрих II Штауфен, составив-

ший книгу об искусстве соколиной охоты³⁶. Для сравнения – к 1481 году относится самое раннее упоминание Якоба Шпренгера как «инквизитора в церквях стольных(?) городов Майнца, Трира и Кёльна (*inquisitor in metropolitaniis ecclesiis Moguntina, Treverensi et Coloniensi*)³⁷ и не содержит уже знакомой нам формулировки «еретического нечестия». Рискну предположить, что в данном случае речь шла о надзорной деятельности в отношении церковных институтов, а не о дознаниях в делах еретиков.

В средневековой судебной практике инквизиционный процесс относился к уголовной сфере и был противоположен процессу обвинительному, поскольку предполагал проведение собственно расследования и получение признания обвиняемого перед вынесением приговора.

В отношении ереси инквизиция представляла собой практику, т. е. по существу являлась расследованием, выполняемым по поручению и на основании специальных документов, подтверждающих полномочия конкретного лица. В условиях Священной Римской империи германской нации конца XV в. такое расследование требовало специального подтверждения (промульгации) со стороны епископа (архиепископа) того диоцеза, где оно и должно было проводиться.

Собственно, назначение Инститора в 1479 г. служит

³⁶ Воскобойников О.С. Душа мира: Наука, искусство и политика при дворе Фридриха II (1200–1250). М, 2008. С. 154.

³⁷ Quellen. S. 368.

лучшей иллюстрацией к этой ситуации. Папа Римский Сикст IV издал бреве, в котором, посетовав, что во «всей Верхней Германии» нет никого, кто мог бы заниматься исследованием случаев еретического нечестия, назначил на эту должность «брата Генриха из ордена проповедников», отметив его образованность и ревность к вере (подробнее об этом эпизоде см. Главу 3.1). Соответственно, говорить об Инквизиции как о специализированном институте, цель которого заключалась в систематическом преследовании инакомыслия, корректно только применительно к Испании после учреждения соответствующего коллективного органа, а также применительно к католической части Европы в период после Тридентского собора (1545–1563 гг.), где действовали аналогичные церковные трибуналы, прежде всего – Римская инквизиция.

Диоцез – в Римской католической церкви административный округ во главе с епископом или архиепископом. В реалиях Священной Римской империи многие диоцезы представляли собой княжества, обладавшие суверенитетом и управляемые епископскими администрациями (Кёльн, Трир, Майнц, Бамберг, Аугсбург и т. д.). В этом случае (архи)епископа было принято именовать также «духовный князь» (*gaistlicher fürst*) – такое наименование встречается в «Нюрнбергском руководстве» «брата Генриха из Шлеттштадта».

Булла, бреве – виды документов, издававшихся папой

римским³⁸. Формально булла затрагивала принципиальные вопросы вероучения, бреве – второстепенные. Однако Инститорис специально не различал типы документов, полученных от папы, называя их все буллами. В этом заключался политический умысел, принципиально значимый для инквизиционной деятельности.

Так, если документ затрагивал только вопрос назначения и полномочий, то это означало, что решающим для епископских администраций при расследовании злонамеренного колдовства (*maleficia*) оставался так называемый канон *Episcopi* («Епископы» – название средневековых церковных документов, как правило, дается по первому слову или фразе), отрицавший реальность магических путешествий и превращений. Документ же, изданный как *Summis desidesiderantes affectibus* («Всеми силами души») и получивший статус буллы, содержал также описание преступлений ведьм, что формально позволяло Инститорису настаивать на собственном видении ситуации в случае конфликта.

Злонамеренное колдовство (*maleficia*) – рискуя показаться читателю скучным и однообразным, я буду использовать это словосочетание на протяжении всей книги

³⁸ Я предлагаю здесь максимально простую характеристику, поскольку непосредственной деятельности Генриха Инститориса касалось буквально несколько документов. Более подробная классификация представлена в статье *Pitz E. Diplomatische Studien zu den päpstlichen Erlassen über das Zauber- und Hexenwesen // Der Hexenhammer. Entstehung und Umfeld des Malleus Maleficarum von 1487. Köln, Wien, 1988. S. 23–70.*

для обозначения преступлений, приписываемых ведьмам. Латинский термин *maleficium* (во множественном числе – *maleficia*), который был основным в большинстве демонологических трактатов, буквально обозначал «злодеяние». Однако практика его использования подразумевала несколько более узкое толкование, а именно – причинение реального вреда жизни, здоровью или имуществу человека, нанесенное магическим способом. Наиболее точный синоним в русском языке – порча. Как правило, подразумевалось, что *maleficium* – прямое вредоносное действие, не имеющее какого-либо ритуального оформления. Это обстоятельство важно, поскольку, с точки зрения авторов демонологических трактатов, колдовством не являлась церемониальная магия, даже если ее ритуалы подразумевали вызов демона. Нигроманты (*nigromantici* – в XV веке часто использовалась эта форма слова) отличались от ведьм тем, что использовали специальные книги с магическими формулами. В *Malleus Maleficarum* упоминаются «запретные книги нигромантии» (*prohibiti libri nigromantie* – ММ II/0), однако Инститориус заявляет, что ничего писать о них не будет, поскольку это другой род суеверий. Иоганн Нидер в своем трактате *Formicarius* («Муравейник»), наоборот, приводит историю нигроманта Бенедикта, оставившего свою греховную жизнь и ставшего монахом³⁹.

³⁹ Подробнее – см.: Бакус Г.В. Мужчина, женщина и демон в контексте некромантии и злонамеренного колдовства (*maleficia*) // «В ответ на лучшие дары»: Венок к 63-му дню рождения Александра Евгеньевича Махова. Тула, 2022. С. 413–419.

Научная публикация текста и изображений анонимного магического сборника XV в. *Codex latinus monacensis* 849 из собрания Баварской государственной библиотеки (*Bayerische Staatsbibliothek*, BSB Clm 849), известного также как «Книга различных заклинаний, экзорцизмов и чародейаний» (*Liber incantationum, exorcismorum et fascinationum variarum*), была подготовлена Р. Кикхефером⁴⁰. Самый известный образ, связанный с церемониальной магией, – персонаж немецкой народной книги Иоганн Фауст (1587)⁴¹.

Подавляющее большинство *experientia*, примеров из инквизиционного опыта *Malleus Maleficarum*, содержат описания именно ситуации наведения порчи, и, по всей видимости, для большинства современников именно это проявление злонамеренного колдовства выглядело как самое достоверное из обвинений. Более сложные компоненты, такие как возможность магических путешествий и превращений или плотские (сексуальные) отношения ведьм с демонами инкубами, оставались предметом дискуссий.

Гостия, облатка, «Тело Христово» – пресный хлеб, используемый в таинстве Евхаристии. На бытовом уровне существовали представления о магической силе этого предмета. Обвинение в осквернении гостии часто использова-

⁴⁰ Kieckhefer R. Forbidden Rites: A necromancer's manual of fifteenth century. Pennsylvania, 2012.

⁴¹ Легенда о докторе Фаусте. М., 1978; Парфёнов А.Т. Легенда о Фаусте и гуманисты Северного Возрождения // Культура эпохи Возрождения и Реформация. Л., 1981. С. 163–170.

ли в отношении иудеев, и один из таких сюжетов появляется в *Malleus Maleficarum* в несколько измененном виде: вместо иудея здесь упоминается ведьма, закопавшая гостью в горшке с жабой. «Нюрнбергское руководство» включало вопрос, не использовала ли ведьма «святое причастие» (*hailigen sacrament*) для колдовства. Поступки такого рода могли повлечь за собой обвинения в преступлениях против веры. Кроме того, Инститорис написал две книги, посвященные этому таинству, предвосхитив оживленные дискуссии времен Реформации.

Инкунабула (лат. – *in cunabula*, «в колыбели») первопечатные книги, увидевшие свет с момента изобретения книгопечатания и до конца XV века. Главная особенность этого типа заключается в том, что издания воспроизводили внешний вид рукописной книги. Стоит отметить характерные начертания букв (начальные и конечные формы, о которых я уже писал выше) и большое количество специальных знаков для принятых у писцов сокращений, отсутствие титульного листа и единообразной пагинации (системы нумерации страниц). На страницах часто оставляли место для инициалов – первых букв разделов, выполнявшихся художниками вручную. В конце книг часто встречаются колофоны – специально оформленные заключительные фразы с информацией о печатнике. К инкунабулам относятся шесть изданий *Malleus Maleficarum* (то есть – все, изданные при жизни Инститориса): шпейерские издания печатника Петера Дра-

ха (1486/87, 1490, 1494), нюрнбергские Антона Кобергера (1494, 1496) и кёльнское издание Иоганна Кёльхофа (1494). К числу инкунабул также относится большинство других опубликованных работ «брата Генриха из Шлеттштадта» – «Послание против одного концилиариста, а именно архиепископа Краинского» (1482)⁴², «Новый трактат о чудесном таинстве евхаристии, что явилось в образе дитя из плоти и крови в освященной гостии» (1493)⁴³, «Различные трактаты со многими проповедями против четырех новейших ошибок, восходящих к наиболее священнейшему таинству Евхаристии» (1496)⁴⁴, «Книжица об ошибках «Монархии»» (написана в 1496 году, издана в 1499)⁴⁵.

Палеотипы – книги, изданные в первой половине XVI столетия. По внешнему виду они приближаются к современным изданиям (часто встречаются титульные листы, уходит практика оставлять место для инициалов), но сохраняют большое количество архаичных черт. Разделение на

⁴² *Institoris, Heinrich*. Epistula contra quendam conciliistam archiepiscopum videlicet Crainensem. Nürnberg, 1482. Книга относится к периоду инкунабул и не содержит привычного библиографического описания. Дата и место издания, а также нумерация страниц приводится ориентировочно. Орфография дана согласно оформлению в собрании *Bayerische Staatsbibliothek (BSB)*, в самом тексте первое слово дано как *Epistola*.

⁴³ *Institoris, Heinrich*. Tractatus novus de miraculoso eucharistiae sacramento mit Widmungsbrief an Vitus Fackler, Propst des Augsburger Augustinerchorherrenstiftes Hl. Kreuz, Augsburg, 1493.

⁴⁴ Tractatus varii.

⁴⁵ *Institoris H.* Opusculum in errores Monarchiae Antonii de Rosellis, Venedig, 1499.

инкунабулы и палеотипы довольно условно, поскольку большое количество ранее изданных книг просто копировалось печатниками позднее, однако для нас это разделение удобно как хронологическая веха – все издания-палеотипы *Malleus Maleficarum* появились после смерти Инститориса в 1505 году. Впрочем, еще при жизни немецкого инквизитора в самом начале XVI века вышло два издания его последнего большого сочинения «Щит, веру святой римской церкви защищающий, от ереси вальденсов или пикардов» (1501, 1502⁴⁶) и серия памфлетов о мистическом опыте сестры Люции из Нарни.

Editio princeps («первое издание») – это латинское выражение используется как специальное обозначение для первого издания книги, ранее имевшей хождение только в рукописных копиях или списках. В числе интересующих нас сочинений *editio princeps* были у «Цветов добродетели» Винтлера, трактатов Иоганна Нидера и Иеронима Висконти, а также некоторых других авторов. Считаю важным подчеркнуть, что «первого издания» так и не появилось у так называемого Нюрнбергского руководства Инститориса.

Компендиум – сборник сочинений разных авторов под одной обложкой. Поздние издания *Malleus Maleficarum*, включавшие также тексты других демонологических сочинений, были компендиумами. В переносном смысле это слово могло обозначать сочинение, автор которого не претенду-

⁴⁶ Clypeus 1502.

ет на оригинальность суждений, но стремится к полноте материала по теме.

* * *

Эта книга стала возможной благодаря поддержке многих людей – коллег-историков, друзей и близких. Здесь я хочу выразить свою признательность:

Андрею Владимировичу Чернышову – моему наставнику на историческом факультете Тверского государственного университета.

Александрю Евгеньевичу Махову (1959–2021) – безвременно ушедшему первопроходцу исследований образов средневековой демонологии в России.

Ольге Тогоевой, Надежде Селунской, Анне Герштейн, Галине Поповой, Дмитрию Антонову, Михаилу Майзульсу, Ольге Христофоровой, Лидии Софроновой, Анне Хазиной, Фёдору Николаи, Артёму Маслову, Юлии Обидиной – отголоски многих наших научных бесед попали на страницы этой книги.

Порталу АНТРОПОГЕНЕЗ.РУ и организаторам форума «Ученые против мифов» Александрю и Георгию Соколовым, Марине Эриной, Виталию Крауссу, Петру Стерликову, Ксении Аблез, редактору стенограмм Екатерине Семёновой.

Моему другу Кириллу Кичатову, приславшему в самый разгар пандемии ссылку на открытый доступ к материалам

журнала *Magic, Ritual and Witchcraft*.

Друзьям – участникам сетевого сообщества *Imago et Littera*.

Last but not Least – я бесконечно благодарен моей супруге Елене и нашим детям, все это время стойчески переносившим мою вечную загруженность всякими средневековыми (и не только) сюжетами.

Такие разные книги

1.1. *Malleus maleficarum*: Книга и ее история

«То, что реальность может быть обманчивой, было предметом науки раннего Нового времени, ныне уже не признаваемой в качестве таковой; [науки] о сверхъестественных причинах и эффектах, т. е. демонологии»⁴⁷.

Вольфганг БЕРИНГЕР «Ведьмы и охота на них. Глобальная история»

«Многие бедствия людям, что причиняются без счета, — так, как я установил в книге *malleo maleficarum* и заключила [т. е. вынесла заключение] высокая школа в Кёльне»⁴⁸.

Этот отрывок из «Нюрнбергского руководства» интересен тем, что в нем «брат Генрих из Шлеттштадта», избегая привычных риторических ухищрений, напрямую говорит о знаменитом трактате как о собственном сочинении.

Основным автором *Malleus Maleficarum* на настоящий мо-

⁴⁷ Behringer W. Witches and Witch-Hunt. A Global History. Oxford, 2007. P. 9.

⁴⁸ *mangerlay shadens dem menschen vnd deß on zal zuo fiegen sein. also dann in dem vorgeanten buoch malleo maleficarum ich bestimbt hab. Vnd die hohe schuole zuo kölen bestet hat* (Nürnberger Hexenhammer 1491. S. 110 (3v)).

мент считается Инститорис, чей опыт на инквизиционном поприще и лег в основу трактата. Наиболее последовательно этого мнения придерживаются немецкие исследователи, настаивая на том, что он попросту попытался воспользоваться известностью брата по ордену проповедников⁴⁹. К.С. Мэк-кей менее категоричен в этом вопросе, отмечая, что полностью отрицать участие Якоба Шпренгера в написании данного сочинения не представляется возможным⁵⁰. Учитывая положение обоих в ордене, можно предположить, что они должны были встречаться на собраниях капитула провинции Тевтония (коллективный руководящий орган, ведавший делами конвентов на территории современной Германии). Однако едва ли такие встречи могли позволить совместную работу над очень большим текстом.

Этих двух доминиканцев практически всегда разделяло значительное расстояние. Основная деятельность Инститориса была связана с г. Шлеттштадт в Эльзасе и служебными поездками в Италию и Чехию, тогда как Шпренгер большую часть жизни провел в Кёльне. Уже по завершении основной

⁴⁹ *Segl P.* Heinrich Institoris. Persönlichkeit und literarisches Werk // *Der Hexenhammer. Entstehung und Umfeld des Malleus Maleficarum von 1487.* Köln, Wien, 1988. S. 116–117; *Behringer W., Jerouschek G.* „Das unheilvollste Buch der Weltliteratur“? Zur Entstehungs- und Wirkungsgeschichte des Malleus Maleficarum und den Anfängen der Hexenverfolgung // *Günter Jerouschek/Wolfgang Behringer (Hg.), Heinrich Kramer (Institoris), Der Hexenhammer. Malleus maleficarum. Neu aus dem Lateinischen übertragen von Wolfgang Behringer, Günter Jerouschek und Werner Tschacher, München, 2015. S.31–40.*

⁵⁰ *Mackay C. S.* Op.cit. P. 103–121.

работы над *Malleus Maleficarum* Инститорис был с визитом в этом городе для получения Аprobации, заключения теологического факультета местного университета, тесно связанного с орденом доминиканцев. Возможно, Шпренгер читал и вносил некоторые правки в текст трактата, но это его участие идентифицировать не удастся уже несколькими поколениями историков.

Косвенным аргументом в пользу участия Якоба Шпренгера в составлении *Malleus Maleficarum* является булла папы Иннокентия VIII *Summis Desiderantes Affectibus*, согласно которой тот был назначен инквизитором вместе с Инститорисом. Однако уже после издания этого документа из папской курии епископам упомянутых диоцезов направлялись специальные письма (до наших дней дошло и было опубликовано Й. Ханзенем послание архиепископу Майнцскому), в которых разъяснялось, что из названных двух инквизиторов прибыть сможет только один.

Единственный случай, когда булла Иннокентия VIII была задействована на практике – в ходе инквизиционного дознания в Инсбруке, – также обошелся без участия в нём Шпренгера. Об этом можно судить на основании промультации, изданной епископом Бриксенским Георгом Гольсером, которая подтверждала полномочия исключительно Инститориса (подробнее см. Главу 3.1).

Само появление *Summis desiderantes affectibus* и Аprobации теологического факультета Кёльнского университета

как разделов трактата сопровождалось курьезом. Как показали исследования, в первом издании *Malleus Maleficarum*, подготовленном шпейерским печатником Петером Драхом в конце 1486 г., они отсутствовали. Уже позднее – примерно через полгода – Генрих Инститорис заказал их у Петра Шоффера (*Peter Schoffer*, 1425–1503) из Майнца, типография которого специализировалась на официальных документах и формулярах⁵¹. Произошло это не ранее 17 мая 1487 г. (этим днём датирована Апробация), после чего инквизитор еретического нечестия дополнил оставшийся тираж. Выяснить это обстоятельство удалось благодаря анализу использованных при печати шрифтов, а также тому, что до наших дней дошло несколько экземпляров первого издания «Молота ведьм» без буллы Иннокентия VIII⁵².

Наконец, в *experientia*, примерах из инквизиционного опыта, не упоминался Кёльн. Данное обстоятельство обращает на себя внимание, поскольку этот город номинально был центром одного из ключевых диоцезов в Священной Римской империи германской нации. Более того, мы можем

⁵¹ Behringer W., Jerouschek G. Op. cit. S.27.

⁵² Если читатель помнит, во Введении я упоминал, что в 1987 г. вышло юбилейное научное издание к 500-летию этой книги, для которого Г. Ерошек отдельно готовил факсимильные копии текста трактата и этих документов. Еще один экземпляр первого издания «Молота ведьм», в котором отсутствует текст буллы Иннокентия VIII, обнаружили американские историки Л. Эппс и Э. Гоу в собрании Библиотеки Хоутона, основного хранилища редких книг и рукописей Гарвардского университета (Harvard's Houghton Library). См.: Apps L., Gow A. Male witches in early modern Europe. Manchester and New York, 2003. P. 103, 115.

с уверенностью говорить, что на протяжении XV в. местный светский суд регулярно рассматривал дела по обвинению в различных формах магической деятельности и достаточно часто выносил по ним смертные приговоры (см. Приложение «Общая хронология событий»). Этот материал так и не попал в *experientia*, что можно объяснить слабой осведомленностью «брата Генриха из Шлеттштадта» относительно ситуации в Кёльне.

Alpologia auctoris in malleum maleficarum.

Quam inter ruentis seculi calamitates: quas pro dolor non tam legimus quam passim eximur. verus omnia damno sue mine inextinguibili dissolutus ecclesia qua nonnullus omnis homo christus iesus asperione sui sanguinis secundavit licet ab initio variis heresum contagionibus inficere non cessat. alio tamen precipue in rebus conatur. quando mundi veripe ad occasum declinante et malicia hominum excrecente. nouit in ira magna. vt. ioh. in apoc. testatur: se modicum tempus habere. Quare et insolita quandam hereticam prauitatem in agro diuico succrescere fecit: heresim inquam maleficam. a pericapaliori in quo vigere noscitur seru: denotando. Que dum innumeras machinatur insultib: hoc tamē in singulis: quod cogitatu terribile: deo nimium abominabile: et omnibus christifidelibus odibile cernitur. opibus expletur. Et pacto enim cum inferno et federe cum morte: se idissime seruituti. pro eap prauis exultationibus spurcitijs se subiiciunt. Quod et cetera ea que in quotidianis erumis: hominibus. uim mentis et terre frugibus ab eis deo punitente et virtute demonum cōcurrente inferuntur. Inter que mala: nos inquisitores Jacobus spenger. vna cum christifimo ab apostolica sede in excommunicum tam penitere heresis socio deputato: licet inter duos eloquiorum pfectiores sub predicatorum ordine militantiū minimi. Sed tamen ac lugubri affectu pensantes quid remedium quidve solaminis mortandis ipsis salutari antidoto foret amministrandū. huic opī pze cunctis alijs remedijs: pios submittere humeros dignū iudicauimus consili de melius largita te illius: qui dat omnib: affluenter. et qui calculo sumpto de altari. forpice tangit et mundat labia implector in finem optatū cūta pducere. Ceterum cum in operibus hominū nil fiat adeo vtile et licitum: cui non possit aliqua pncies irrogari. Ingeniola etiā nostra ad acumen non pueniunt veritatis. nisi vna alterius prauitatis plurimū fuerint abrasa. Ideo qui de nouitate opis nos redarguent dos estimat. ad ceteram illius confidēt accedimus. Sciat tamen hoc opium opus nouum esse simul et antiquū. breue piter et plurimū. antiquum certe materia et auctoritate: nouū vero pūius compilatione eartū aggregatōne. breue ppter plurimorum auctozū in breuem pñerōdem. longum nihilominus. ppter immensam materie multitudinē et maleficarū imperferutabile maliciam. Nec hoc dicimus ceterozū auctozū scriptis presumptuose derogando nostrū opus iactanter et inaniter extollendo. cum ex nostro ingenio pauca et quasi nulla sint addita. Quā nō nīm opus: sed illorū potius censet quoz et dictis fere sunt singula cōtenta. Quia si ex causa nec poemata condere nec sublimes theozias cepim? ceteros resed excerptoz moze. pcedendo. Ad honore summe trinitatis et indiuidue unitatis. sup tres pces principales. originē. pgressum et finem. Maleficarū malleum tractatū nuncupando aggredimur. recollectōnem opīs socio. executionem vero his quibus iudicium diuissimū imminet. eo q in vindictam maloz: laudem vero bonoz pstituti cernitur a deo. cui omīs bonoz et gloria in secula. Klor Amen.

Первый лист *Malleus Maleficarum* в издании Петера Драха. Шпейер, 1486

Есть еще одно обстоятельство, заслуживающее внимания при разговоре об авторстве трактата. Даже будучи преподавателем, а позднее – ректором Кёльнского университета, Якоб Шпренгер написал только два сочинения: комментарии на «Сентенции» Петра Ломбардского⁵³ и небольшую книгу на немецком языке «Возобновленное братство розы и креста» (*Erneuerte Rosenkranzbruderschaft*)⁵⁴.

Первое из них относилось к учебному процессу по изучению теологии. Второе было связано с мистическим «братством розария св. Девы» (*fraternitas rosarii b. Virginis*), создателем которого и являлся Якоб Шпренгер (подробнее об этом религиозном объединении будет идти речь в Главе 2.4). Генрих Инститорис, напротив, писал много, но всегда один. Авторство всех прочих его сочинений ни у кого из историков сомнений не вызывает. И только относительно *Malleus Maleficarum* высказываются предположения о соавторстве.

Оформление ранних изданий *Malleus Maleficarum*, относящихся к инкунабулам (печатным книгам, изданным до конца XV века) и палеотипам (изданиям первой половины XVI столетия), как правило, не содержат упоминания авторов (или автора). Имена Якоба Шпренгера и Генриха Инсти-

⁵³ Об этом сочинении см.: Mackay C. S. Op.cit. P. 83.

⁵⁴ Sprenger, Jakob. Erneuerte Rosenkranzbruderschaft. [Augsburg] [1476]

ториса присутствуют уже в самом тексте – в небольшом вводимом разделе «Апология авторов»⁵⁵, а также в булле папы Иннокентия VIII *Summis desiderantes affectibus*. Основной текст содержит систематически повторяющиеся фразы о двух авторах, например: «В земле, откуда родом один из тех двоих инквизиторов, составивших сей труд» (*in terra natiuitatis vnus ex his inquisitoribus, cum duo simus hoc opus colligentes*)⁵⁶, однако подобные формулировки всегда предваряют «примеры», связанные с биографией Инститориса.

Эта неопределенность, характерная для первопечатных книг, привела к тому, что уже младшие современники терялись в догадках относительно того, кто же написал *Malleus Maleficarum*.

Об этом свидетельствует фраза, появившаяся в венецианских изданиях трактата: «Автор[ство] «Молота» Якоба Шпренгера [из] проповедников провинции Тевтонской Иоанн Триттемий открыл, многочисленные ошибки и искажения (неточности) исправил»⁵⁷. Начиная с этой публикации

⁵⁵ В русском переводе отсутствует.

⁵⁶ *Institoris Sprenger* 2006 (1). P. 419.

⁵⁷ JACOBVM SPRENGER Teuthonicum Praedicatorij instituiti Mallei auctorem apud Joannem Tritthemium inuenit, corrupta innumera & deprauata correxit (*Sprenger Jakob. Malleus Maleficarum in Tres Diuisvs Partes, In quibus Concurrentia ad maleficia, Maleficiorum effectus, Remedia aduersus maleficia, Et modus procedendi, ac puniendi maleficos abunde continentur, praecipue autem omnibus Inquisitoribus, & diuini verbi Concionatoribus vtilis, ac necessarius. Venetiis: Ad cadentis Salamandrae insigne, 1574. P.7*).

на титульных листах имя Якоба Шпренгера стало появляться в качестве единственного автора знаменитого демонологического сочинения.

Однако метаморфозы на этом не заканчивались. Во франкфуртских и более поздних лионских изданиях исчезло упоминание о самом открытии Триттемия. По всей видимости, здесь сказалась религиозная конъюнктура: франкфуртский издатель Николай Бассей, будучи протестантом, убрал вступление, содержащее посвящение кардиналу Сципиону Ребиба. Вместо него появилось послание к Иоганну Митценбергу, славившемуся своей ученостью настоятелю монастыря ордена братьев-кармелитов (*Monasterium Fratrum Carmelitarum Francofurti ad Moenum*)⁵⁸. При этом немецкий печатник полностью сохранил структуру титульного листа своих итальянских предшественников и дословно воспроизвел развернутый подзаголовок, а также все прочие надписи вместе с упоминанием Якоба Шпренгера как единственного автора.

⁵⁸ К концу XVI столетия большинство в городе составляли лютеране, но при этом сохранялось и католическое меньшинство, к которому принадлежала и данная обитель.

MALLEVS
MALEFICARVM
 IN TRES DIVISVS
 P A R T E S,

In quibus { Concurrentia ad maleficia,
 Maleficiorum effectus,
 Remedia aduersus maleficia,

Et modus procedendi, ac puniendi maleficos abundè continetur, præcipuè autem omnibus Inquisitoribus, & diuini uerbi concionatoribus utilis, ac necessarius.

Auctore R. P. F. IACOBO SPRENGER
 Ordinis Prædicatorum, olim Inquisitore clariss.

Hac postrema editione per F. Raffaelem Maffeam Veneratum. D. Iacobi a Iudeca instituti Seruorum, summo studio illustratus, & à multis erroribus uindictus.

His adieci mus indices rerum memorabilium, & questionum.

VENETIIS,

Ad Candentis Salamandræ insigne.

M D LXXVI.

Титульный лист *Malleus Maleficarum* в издании Саламандера. Венеция, 1576

Сам текст трактата, приведенный к нормам классической латыни венецианскими редакторами, изменений не претерпел. На своем месте осталась даже булла папы Иннокентия VIII *Summis desiderantes affectibus*. Это выглядит как некий парадокс, относительно которого можно только строить предположения. По всей вероятности, за давностью лет этот документ уже не казался протестантам неуместным. Случай с «Молотом ведьм» не является исключением, но скорее указывает на общую тенденцию для демонологии. Как отметил П.Дж. Максвелл-Стюарт, и католики, и протестанты апеллировали одним и тем же авторитетам с «совершенно утомительной регулярностью»; протестанты цитировали произведения католических авторов с большой готовностью, как авторитетные тексты, достойные абсолютно доверия⁵⁹.

⁵⁹ Maxwell-Stuart P. G. Rational superstition: the writings of Protestant demonologists// Religion and superstition in Reformation Europe. Manchester and New York, 2002. P. 178

M A L L E V S
MALEFICARVM
 IN TRES DIVISVS
 P A R T E S,

In quibus { Concurrentia ad maleficia
 Maleficiorum effectus,
 Remedia aduersus maleficia,

*Et modus deniq; procedendi, ac puniendi Maleficos abunde
 continetur, præcipuè autem omnibus Inquisitoribus, &
 diuini Verbi Concionatoribus vtilis, ac necessarius.*

Auctore **IACOBO SPRENGERO**
Ordinis Prædicatorum, olim Inquisitore.

His nunc primùm adiecimus,

M. Bernhaldi Basin opusculum de artibus magicis, ac Magorum,
 maleficijs.

I T E M.

D. Vlrici Molitoris Constantiensis, de Lamijs & Pythonicis
 mulieribus Dialogum.

I T E M.

D. Ioannis de Gerson. olim Cancellarij Parisiensis, de præ-
 batione Spirituum, libellum.

I T E M.

D. Thomæ Murner ordinis Minorum, libellus
 de contractu.

*Omnia summo studio illustrata, et
 mendis recens vindicata.*

Cum Indice Quæstionum & Rerum demon-
 strabilium copioso.

FRANCOFVRTI AD MOENVN,

Титульный лист *Malleus Maleficarum* в издании Николая Бассея. Франкфурт-на-Майне, 1580. Обратите внимание, что текст и дизайн страницы повторяют венецианские издания

Как бы то ни было, интерес представляет сама ситуация. Если признать достоверной историю о филологической работе над текстом *Malleus Maleficarum* Иоганна (Иоанна) Триттемия⁶⁰, которая могла иметь место в начале XVI в., то получается, что этому труду пришлось ждать своей публикации полвека.

Безотносительно того, выяснял ли Иоганн Триттемий авторство трактата или нет, начиная со второй половины XVI века стараниями издателей утвердилось ошибочное представление, что *Malleus Maleficarum* написал именно Якоб Шпренгер. Причем оно оказалось настолько прочным, что и в XIX в. французский историк Ж. Мишле в своей книге «Ведьма» не высказывал и тени сомнения на этот счет.

Эта история показывает, что при большой длительности издательский процесс как таковой привносит обстоятельства и создает смыслы, не входившие изначально в авторский замысел, и в какой-то момент книга начинает жить сво-

⁶⁰ Это представляется мне вполне вероятным, поскольку Триттемий позднее сам написал небольшой демонологический трактат в ответ на вопросы курфюрста Иохима Бранденбургского и императора Священной Римской империи германской нации Максимилиана I Габсбурга (См.: *Behringer W. Witchcraft Persecutions ... P. 74*).

ей собственной жизнью. В нашем случае на протяжении полутора столетий восприятие *Malleus Maleficarum* в европейской книжной культуре изменилось самым существенным образом. Первоначальная путаница с авторством и последовавшая за ней работа над текстом трактата (редакция, создание указателей) хорошо иллюстрируют сложный процесс изменения книжной культуры после изобретения книгопечатания. В интересующем нас аспекте «революции печати» Э.Л. Эйзенштейн описывала как движение от «испорченных копий к дополненным изданиям»⁶¹.

Сравнительный анализ, проведенный Л. Эппс и Э. Гоу на материале двух изданий *Formicarius* («Муравейник») Иоганна Нидера и 21 одного экземпляра (относящихся к 16 изданиям) *Malleus Maleficarum* показывает, что демонологические трактаты, повторно издававшиеся на протяжении длительного времени, не отличались стабильностью текста. В них вносили правки, изменявшие как отдельные грамматические формы, так и целые предложения⁶².

Исходя из собственного исследовательского опыта, я должен добавить, что аналогичным образом обстояло дело с другим популярным текстом о ведьмах – трактатом Ульриха Молитора *De laniis et phitonicis mulieribus* («О ланиях и женах-прорицательницах»). Эта книга даже в изданиях, относя-

⁶¹ Eisenstein E. L. The Printing Revolution in Early Modern Europe. Cambridge, New York, Melbourne, Madrid, Cape Town, Singapore, São Paulo, 2005. P. 81–87.

⁶² Apps L., Gow A. Op.cit. P. 102.

щихся к периоду инкунабул (1489 – ок. 1500 г.), была представлена двумя редакциями латинского текста, а немецкий ее вариант в разных изданиях сильно отличается в плане орфографии. По всей видимости, так проявили себя диалекты тех земель, в которых располагались печатни.

Если оценивать ситуацию по долгосрочной конъюнктуре книгоиздания, именно эти три сочинения XV века – *Formicarius*, *Malleus Maleficarum*, *De laniis et phitonicis mulieribus* – сформировали своего рода «ядро» демонологии как литературного жанра. Их продолжали издавать с завидным постоянством на протяжении двух столетий, причем начиная с 1580 года – объединяя в компендиумы. Тиражи и частота переизданий «Молота ведьм» привели к тому, что на этом фоне затерялось всё остальное, вышедшее из-под пера Инститориса. Особенно примечательно то, что последний раз при жизни немецкого инквизитора трактат увидел свет в 1496 году, а оставшиеся девять лет жизни «брат Генрих из Шлеттштадта» посвятил написанию и изданию других сочинений (о них подробнее мы будем говорить в Главе 1.3).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.